

УДК 165.62

Д.С. Собянина

ДЕСКРИПЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

«То ли колодец был очень глубок, то ли падала она очень медленно, только времени у нее было достаточно, чтобы прийти в себя и подумать, что же будет дальше. Сначала она попыталась разглядеть, что ждет ее внизу, но там было темно, и она ничего не увидела. Тогда она принялась смотреть по сторонам».

Л. Кэрролл «Алиса в Стране Чудес»

*«Джентльмены, вы спорите в вакууме.
Давайте взглянем на факты».*

Капитан Кирк

В статье приводятся результаты аналитического исследования проблем, связанных с применением методов феноменологической редукции, дескрипции явлений, интерпретации результатов. Ставится вопрос о соотношении явления (поверхности) и возможном сокрытом источнике феноменов. Указаны крайние методологические ошибки исследования бытия. Нашей задачей было также уточнить, чем незавершённая онтология отлична от предельной интерпретации – спекулятивной конструкции, выходящей далеко за пределы феноменального поля.

Ключевые слова: редукция, дескрипция, предельная интерпретация, спекулятивная система, явленное, поверхность, лик, маска, сокрытое, слой, сердце, онтологическая пустота, децентрированная онтология, регионы бытия, лабиринт.

Современное философское сообщество стремится сформировать новую онтологию. Многочисленные непредвиденные трудности ждут нас на этом пути. Некоторые философские школы до сих пор считают возможным построение полной (приближающейся к пределу) интерпретации явленного мира. Такого рода онтологии, назовём их структурно завершёнными, отличны от феноменологически выстроенного, открытого учения о сущем.

Любая онтология имеет отчасти открытый характер, поскольку ее структура может включать новые этажи сущего, прикреплять к спекулятивному зданию балконы, пропиливать окна, строить подвальные помещения. Но, как становится ясно из метафоры, усмотренная структура бытия имеет неизменный фундамент. Интуитивная привязанность к предельной интерпретации вынужда-

© Собянина Д.С., 2014

Собянина Дарья Сергеевна – ассистент преподавателя, кафедра философии и права ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: sob.darja@gmail.com.

ет мыслителя постоянно укреплять её основу. Впрочем, созданная система способна укреплять сама себя: «...различие с необходимостью стремится исчезнуть в покрывающем его качестве, тогда как неравное стремится уравниваться...» [1, с. 321]. Этот эффект (притяжение и придавливание различного) можно назвать магнетическим. Ясно, что само бытие не нуждается в нашем спекулятивном обосновании. Если же для поддержания предельной онтологии нам необходимо *отрицать*, то какова реальная ценность такой конструкции?

Предельная онтология всегда содержит иррациональный компонент, который мы относим к области неустранимого мифологического отношения к реальности. Формируя предельную интерпретацию, субъект следует по пути личной заинтересованности, движимый страхом или любовью. А.Ф. Лосев пишет следующее: «Одним *хочется* распылить вселенную в холодное и чёрное чудовище, в необъятное и неизмеримое ничто; другим же хочется собрать вселенную в некий конечный и выразительный лик, с рельефными складками и чертами, с живыми и умными энергиями...» [2, с. 34].

Явленная реальность достаточно стабильна, но в сфере умозрительного нам ничего не мешает «собирать» и «распылять» вселенную. Схватывая многообразие в виде целого, мы имеем возможность замкнуть бытие на духе или материи, или даже на конкретном сознании. Осуществив такой акт, мы подтверждаем собственную правоту, и никакой опыт уже не в силах оторвать сознание от магнита предельного истолкования. Естественное следствие такой ситуации – недоверие самому явленному миру. Феномены не укладываются без остатка в умозрительную конструкцию. Этот метафизический остаток – страшный сон любой предельной онтологии. Спекулятивная система даёт своим адептам власть обозначать феномены как полубытие, тень, отражение; сводить (редуцировать) один род сущего к другому. В результате подобных махинаций «происходит забвение бытия, и со временем созданная система может выхолащиваться, пока не потеряет всех связей с бытием» [3, с. 38].

Организация мышления феноменолога по большей части дескриптивна, направлена на усмотрение и описание многообразного мира явлений. Должна ли дескрипция быть дополнена интерпретацией, или, трактуя явление на свой лад, мы всякий раз теряем связь с бытием? Феноменология начинается с очередной попытки расправиться с «демонами» разума, обойти привычные паттерны, с помощью которых мы объясняем феноменально новые события. Эти схемы мышления могут быть укоренены как в сфере сознания, так и в недрах бессознательного, что утверждал ещё Бэкон в своей теории об идолах. Так, он полагал, что человек «считает верным предпочтительное» и «воображает стабильным то, что на самом деле склонно к изменению» [4, с. 285]. Состояние «эпохэ» освобождает поля восприятия от зашумления; непрерывная интерпретация приостанавливается, происходит более точная настройка сознания к реальности.

Здесь необходимо остановиться и дать ряд необходимых разъяснений. Во-первых, в феноменологии речь не идёт об избавлении от мира (субъективизм). Заключение мира в скобки спасает скорее реальность от наших искажающих конструкций. Мы заключаем мир в скобки от-себя, оставляем его свободным и значимым, независимым от человеческих оценок и желаний. Феноменологию, как и классический эмпиризм, интересуют «...вещи в свободном и диком состоянии, по ту сторону “антропологических предикатов”» [1, с. 11]. Кроме того, любые идеи, предпочтения, интерпретации, парадоксы попадают в поле дескрипции и становятся урожаем феноменолога. Во-вторых, необходимо отличать «ego cogito» от любых метафизически сконструированных концептов вроде абсолютного духа, мыслящей субстанции. В редуцированном состоянии мое ego не имеет иного реального статуса, кроме как «нечто воспринимающее». Природа самого «нечто», как и воспринимаемого «им» мира, выносится за скобки до лучших времён. В этом смысле можно говорить об освобождающем действии редукции по отношению к человеку. От «меня» (то есть от того, как я «себя» интерпретировал) остаётся только дескриптор феноменов. Итак, не стоит отождествлять трансцендентальное ego с сущностью (сокрытым) человека. Формируя его статус, мы «находимся в опасном пункте» [5, с. 81].

Если усмотрение осуществимо как чистый опыт, то в процессе дескрипции мы пользуемся языком, вплетенным в культуру и впитавшим выработанные ей смыслы. Следовательно, называя что-либо, мы уже подвергаем сущее интерпретации. Это представляет проблему, для разрешения которой феноменологи (Э. Гуссерль, Э. Штрёкер) предлагали осуществить процедуру последовательного прояснения понятий. Вместо того чтобы думать «просто словесными значениями» [6, с. 238], нужно приступить к восприятию деталей, наполнить понятие содержательно из живого созерцания. С прояснением мы можем выйти за пределы значений – к совпадению с нозматической стороной созерцания. Тем самым феноменолог «возвращается к самим вещам и устраняется перед оригинальностью и изначальностью значений» [7, с. 197].

Дескрипция феноменального слоя реальности необходимый, но фактически беспредельный этап работы. Ни одно явление не может быть названо простым: различая грани, элементы и их происхождение, мы уходим в бесконечный лабиринт генезиса сущего. Простая идея, например «красное», есть уже результат синтетической работы, имеет историю формирования – из многообразия бордового, алого и киновари. Простая поверхность в приближении оказывается многосложной.

Итак, двигаясь в направлении различения, мы попадаем в структурные и генетические лабиринты. Реальность вещей, идей и слов столь богата на оттенки, что последовательное описание явленного может превратиться в вечное чае-

питие Безумного Шляпника¹, который никак не решается перейти от дескрипции в собственно человеческую область интерпретации. Поэтому использование временных понятий представляется необходимым, а различения осуществляются «в целостном опыте с синтезами и идентификациями...» [8, с. 23].

Интересен и своеобразен феноменологический путь построения онтологии. Совершённая редукция лишает нас возможности принимать то или иное сущее как фундамент реальности. Мы обнаруживаем себя в онтологической пустоте, в бескрайнем море или, если угодно, в лабиринте феноменального. Нет возможности получить ответ, где именно – в центре или на периферии – располагается наше бытие. Все усмотренные нами структуры могут составлять лишь заброшенный чердак или подсобную пристройку в общем здании универсума. Феноменологическая онтология всегда децентрирована.

«Мир» складывается из открытого множества региональных онтологий. Слои и регионы реальности могут быть не привязаны друг к другу, порой даже противоречивы, что полагается как естественное состояние мира. Работа по прояснению структур отдельных регионов, их генетических оснований «не расшатывает и не уничтожает ни одной из уже выявленных поверхностных структур» [7, с. 199].

* * *

Практика дескрипции предполагает работу с феноменами, но требуется прояснить и само понятие явления. В первую очередь, явленное всегда есть *явленное сокрытого*. Сложно представить себе акт усмотрения сущности (сокрытого). Как минимум это иллюзорно, как максимум – преступно. Поверхности существуют именно как берега (оберегающее), как естественные защитные покровы бытия. Срывая эти покровы, допустим это возможно, мы лишаем сокрытое его иммунной системы и определяем его к смерти. Открывать (понимать) «означает не одним махом срывать покров с полноценно предсуществующего объекта, а посредством последовательной артикуляции разворачивать предложенное или проблематичное состояние...» [9, с. 217].

Иное решение проблемы соотношения сокрытого и явленного усматривается нами в предельных онтологиях вроде «научной философии» [10, с. 4–11]. Бытие имеет определённую структуру, исходным пунктом исследования, так же как и для феноменологии, является опыт, отличие состоит в том, что сторонники «научной философии» придают материи метафизический статус. Интересно, что всё содержание бытия рассматривается как потенциально явленное. Сокрытое лишь временно и случайно обладает этим статусом. Таинственные покровы с понятия сущности снимаются.

¹ Персонаж сказки Л.Кэрролла «Алиса в Стране Чудес».

В нашем понимании поверхность и сокрытое должно мыслить в рамках общего понятия. Мы всегда имеем дело с явленным сокрытого и сокрытым явленного. Феноменологическое исследование предполагает не искусственное извлечение сущности, но дескрипцию являющегося мира. Внимая ему, мы усматриваем сокрытое в его существе. Взламывая покровы бытия, мы не получаем знания, поскольку «...тайну жизни невозможно отделить от тайны формы, точнее от тайны формирования внутреннего пространства» [9, с. 48]. Осуществляя дескрипцию мира, переходя от одного к другому региону бытия, мы проясняем некоторые черты лика бытия.

Явление можно определить как поверхность. Не следует смешивать понятие поверхности и границы. В приближении к границе мы всегда попадаем в новые горизонты явленного. Поверхность есть обращённость-во-вне. Можно прикоснуться к поверхности, но не к границе. С указанными понятиями связаны такие сложные, требующие внимания и прояснения феномены, как отражение, поглощение, преломление. Онтологический смысл границы и поверхности может быть обнаружен при проведении последовательных описаний в разных регионах бытия.

За границей явления мы полагаем присутствие сокрытого. Это не покажется парадоксальным, если обратить внимание на различие между маской и ликом, предметами бутафории и реальными вещами. Муляжи и маски обладают подчёркнутой выразительностью внешней формы, но лишены реальных свойств; благообразность не подтверждена функционально. Маска не имеет онтологической связи с сокрытым, лишена жизни, идущей сквозь слои сущего.

Явление, происходящее из внутренних связей и прикрывающее их, свидетельствует о непрозрачности (скромности) любого сущего. Система нежизнеспособна без многослойной оберегающей структуры. Но значение поверхности не вторично, поскольку питаемые сердцем слои сущего есть его цель. Мы имеем дело со сложными (сложенными) поверхностями, искомое сущее исчезает при разворачивании складок, потому что их сакральная геометрия и представляла собой сокрытое.

* * *

Новое настоящее меняет феноменальный круг, и осознание этого факта не даёт миру принять стабильную форму. Словно Алиса из сказки, мы попадаем из «плоского негативного» в мир «разрозненности» [1, с. 321].

Метафорический характер предельной интерпретации неустраим, поскольку к сокрытому мы можем приступить лишь опосредованно. Тем не менее построение структурно завершённой онтологии осуществимо как форма философского творчества. Возможно, исторически усмотренные предельные формы мира (спираль, триада, сфера и пр.) противоречивы, поскольку обозначают сокрытое на его языке, нами ещё не освоенном.

Список литературы

1. Делёз Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. – СПб.: Петрополис, 1998.
2. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991.
3. Столбова Н.В. Онтологический статус смыслов в постхайдеггерианской герменевтике и её роль в пространстве духовного // Вестник Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Культура. История. Философия. Право. – 2013. – № 7(44).
4. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / пер. С.А. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 2002.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2006.
6. Современная философия науки. – М.: Наука, 1994.
7. Деррида Ж. Письмо и различие: пер. с фр. – СПб.: Акад. проект, 2000.
8. Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. – М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004.
9. Слотердаjk П. Сферы. Плюральная сферология. Т. 3. Пена / пер. с нем. К.В.Лощевского. – СПб.: Наука, 2010.
10. Орлов В.В. Проблема системы категорий в философии // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2011. – Вып. 2(6).

Получено 17.01.2014

D.S. Sobyantina

DESCRIPTION AND INTERPRETATION: METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHENOMENOLOGY

Results of analytical study of problems connected with methods of phenomenological reduction, phenomena description and results interpretation have been given in the article. The question of correlation between phenomenon (surface) and possible concealed source of phenomena has been put. The task of the author was to specify the difference between non completed ontology and maximum interpretation – speculative construction transcending the phenomenal field.

Keywords: reduction, description, maximum interpretation, speculative system, revealing, surface, image, mask, concealed, layer, heart, ontological vacuum, decentralized ontology, regions of existence, labyrinth.